

ЛИНГВИСТИКА

М. А. Ключева

ЗООНИМ «МЕДВЕДЬ» В МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ИГРАХ

В статье рассматриваются традиционные марийские игры в жмурки и догонялки, в которых водящий называется медведем. Устанавливается ареал распространения этих игр, их сезонная и обрядовая приуроченность, а также соответствия этому образу в играх финно-угорских народов, тюрков и русских Урало-Поволжья. В научный оборот вводится ранее не публиковавшийся материал из рукописного архива МарНИИЯЛИ. Статья включает очерк этимологии марийского *маска* ‘медведь’, разбираются имеющиеся версии и излагаются дополнительные данные, в том числе: указание на соответствие марийского названия медведя (основные диалектные формы *маска*, *маська*, *мӱскӱ*; *мескӱ* > *мӱскӱ*) русским диалектным словам, означающим овцу (*маська*, *миська*). Такая логика наименования объясняется запретом слов, означающих диких животных, и метонимическим сдвигом семантики (овца – шерсть – медведь). Анализируется структура связи между марийским зоонимом (историческая форма – *аба маска* ‘медведь’) и именем типологически сходного персонажа в башкирской игре – *маскӱй-ӛбей* ‘баба-яга’.

Ключевые слова: народные игры, марийская игровая лексика, финно-угорские языки, тюркские языки Урало-Поволжья, русские диалекты, заимствования, межэтническое взаимодействие, языковые контакты, персонажи фольклора.

В № 4 (22) номере «Томского журнала лингвистических и антропологических исследований» за 2018 г. была опубликована статья Г. Р. Шагаповой «Об общих этапах этногенеза по материалам игровой культуры народов Поволжья и Приуралья», в которой, в частности, был рассмотрен мотив «медведь и ягоды» в игровом фольклоре финно-угорских народов (коми, удмуртов, мари, хантов), башкир и русских, в связи с чем автор делает вывод: «в игре до нас дошли следы древнего угорского, скорее всего, женского обряда умилоствления духов леса», а также указывает на проявления угорского субстрата в этногенезе пермских финнов и башкир и удмуртском влиянии на мари (Шагапова, 2018: 105–108). Мы считаем, что исследование конкретного игрового термина («медведь») не исчерпано, и может быть продолжено, в частности, по двум причинам:

1. медведь и ягоды – это лишь частный мотив в подвижных играх преследования, в которых водящего называют медведем. В статье Г. Р. Шагаповой марийский материал был представлен единственной русскоязычной игрой «У медведя на бору грибы-ягоды беру», отнюдь не презентативной и являющейся позднейшим привнесением в детскую среду из стандартного игрового репертуара советской и постсоветской системы образовательных учреждений. Для полноты картины мы покажем значительно больший материал по традиционным марийским играм в медведя, включая прежде не публиковавшиеся данные из рукописного архива МарНИИ языка, литературы и истории. При таком более широком фокусе становится ясно, что утверждение в обсуждаемой статье о неисконности игры в медведя у мари, об «отсутствии подобной игры у мордвы и чувашей», карел не вполне корректно. Медведь как водящий в подвижных играх – практически универсальный образ для всех коренных народов Европейской части России, и нет оснований педалировать его угорское происхождение.

2. Из ряда игр в «Медведя-бабушку», приведенных в статье Г. Р. Шагаповой, выбивается башкирская игра *Маскӱй-ӛбей* ‘Баба-яга’, поскольку тут игровой персонажный термин – не зооним, а название мифологического персонажа. Такое «вкрапление» требует обоснования, и, воспользовавшись методом этимологического анализа, проверим возможность и направление

межъязыковой передачи персонажной игровой лексики (марийское *маска* ‘медведь’ – башкирское *маскэй* ‘обжора, вампир, упырь’) в зоне марийско-тюркских контактов.

Итак, опишем, в каких традиционных марийских играх фигурирует водящий-«медведь» (мар. *маска*). Первая зафиксированная в литературе игра в медведя у мари – это *Маска-кува* ‘Бабушка-медведь’ – игра в **жмурки** в Арбанской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии (Троицкая, 1893: 81). По фиксациям 1914–1916 гг., то же имя *Маска-кува* ‘Бабушка-Медведь’ носил водящий в игре типа жмурок в Яранском уезде Вятской губернии:

– *maska-kəβala mo-daš* (*kü-m kəʔtsà, tɲ:dö maska-kəβa li-ⁱeš*) ‘играть в Бабушку-Медведя (кого поймает, тот становится Бабушкой-Медведем)’ (д. Туршемучаш ныне Медведевского р-на Марий Эл);

– *maska-kəβalà mò-dât; šâ-nDZàm pì-dât maska-kəβànâm, tɲ:dö βa-ra βè-sâm kəʔtsà, βè-se li-ⁱeš βa-ra maska-kəβa* ‘играют в Бабушку-Медведя; глаза завязывают Бабушке-Медведю, она потом другого поймает, другой становится потом Бабушкой-Медведем’ (там же);

– *βà-sli βà-dâ yò:dâm mäskä-kəβalà mà-dât* ‘во время Васильева вечера играют в Бабушку-Медведя’ (д. Отюково~Одегово ныне Санчурского р-на Кировской обл.) (*Веке*: Т. IV₅, 1414).

В 1960-е гг. та же игра зафиксирована в д. Солоял Пижанского р-на Кировской области:

– *Мяска кывала модыт. Шинчам петырат да тудо кучеда. Маска кыва куча да пала ком кучен, если пала, то кучымо енже водитла* ‘Играют в Бабушку-Медведя. Глаза закрывают и тот ловит. Бабушка-Медведь поймает и кого, поймав, узнает, если узнает, то пойманный человек водит’ (МФЭ-66, № 28: 65).

Причем, в той же д. Солоял *Маска-кува* – наименование ряженого во время марийского зимнего праздника Шорыкйол ~ Святки (МФЭ-66, № 28: 41); по параллельной фиксации там же *Мäскä-кыва* – наименование ряженой старухи, которая сопровождает «дедушку Васи» (*Васи кугыза*) (МФЭ-66, № 32: 27, 57). Тем же именем – *Маска-кува* – называют главного ряженого обходчика дворов в зимней праздничной обрядности в д. Большая Шимшурга Новоторьяльского р-на Республики Марий Эл (МФЭ-72, № 70: 3), а в д. Малый Кулеял Моркинского р-на Марий Эл ряженого старика называли *Шорыкйол маска* ‘Шорыкйольский медведь’, *Маска* ‘Медведь’ (НРФ, оп. 3, д. 120: 16)¹.

Таким образом, *Маска-кува* – это водящий в жмурках у северо-западных мари и в северной зоне расселения луговых мари (среди йошкар-олинских и т. н. кировских мари), и его имя совпадает с наименованием главного ряженого на зимнем празднике Шорыкйол, к которому игра изначально была приурочена².

Что касается водящего-«медведя» в играх типа **догонялок**, помимо прежде упоминавшейся русскоязычной записи *У медведя во бору*, мы располагаем еще тремя записями марийских игр такого рода:

– *Маска лийын модыныт* ‘Играли в медведя’ (д. Мустаево (Мустай) и окрестные деревни Сернурского р-на Марийской АССР, запись 1963 г.): «[*Семык годым*] *Иктажше, лакырак верым муын, маска лийын пурен возын. Мольшит маска йыр шогалыныт, маскам турлын сырыктылыныт: паикар дене шуркаленыт, воштыр дене перкаленыт. Маска сырен, кудыжын гынат умбаке торшитаи ванген. Рвезе-влак чот сырыктылыныт. Маска торшитен. Рвезе-влак йыр куржын шаланеныт, кычкыреныт, воштылыныт. Маска уэш вынемыш возын. Рвезе-влак уэш погынен маскам чотрак сырыктылыныт. Маска утларак сырен торшитен, иктажшым руалтен. Тудо рвезе маска лийын. Модмаш уэш тунгалын.* [На Семик] Один, найдя низинку,

¹ При этом жмурки в более южных районах Марий Эл (Новоторьяльском, Моркинском и др. – вообще в зоне моркинско-сернурского говора) уже называют иначе – не *Маска-кува* ‘Бабушка-Медведь’, а *Сокыр тага* ‘Слепой баран’ (как у чуваш, татар, башкир, удмуртов).

² В позднейших фиксациях *медведем* называется водящий в играх типа жмурок у русских (Москва и Московская область) (Ключева, 2014: 92).

ложился, изображая медведя. Остальные вставали вокруг медведя, всячески медведя дразнили: тыкали палками, били прутиками. Медведь сердился, выслеживал, на кого бы прыгнуть. Ребята сильно дразнили. Медведь прыгал. Ребята разбежались, кричали, смеялись. Медведь снова ложился в берлогу (яму). Ребята, снова собравшись, еще сильнее дразнили медведя. Медведь, еще больше рассердившись, прыгал и кого-нибудь хватал. Этот ребенок становился медведем. Игра начиналась снова' (НРФ, оп. 1, д. 116: 170).

– *Маска мӱрым пога* 'Медведь собирает землянику' (д. Алеево Советского р-на Республики Марий Эл, информант 1971 г.р.): *Одного человека выбирали в роли медведя. Он ложился на землю, его зарывали в листья, и он делал вид, будто спит. Остальные, изображая, что собирают землянику, ходили вокруг медведя и приговаривали: «Маска уке – мӱрым погем!» 'Пока медведя нет, клубнику собираю!' Потом медведь неожиданно выпрыгивал из-под листьев и должен был поймать тех, кто собирал его землянику. Медведь должен был всех переловить, а тот, кто оставался последним, сам становился медведем, и игра начиналась заново. Валентина Николаевна вспоминает, что в эту игру играли чаще осенью, так как было много опавших листьев. И когда «медведь» выпрыгивал из-под листьев, это очень эффектно выглядело, что придавало еще больше азарта* (Репина, 2013: 73).

– *Емыжым погымаш* 'Сбор ягод' (Архипова, 2012: 18).

Кроме того медведь (*маска́*) – это наименование водящего в марийских играх типа красок: *Маска чия* 'Медвежьи краски' (Китиков, 1993: 32), *Чия* 'Краски' (с. Кукнур Сернурского р-на) и *Маска* 'Медведь' (д. Чодраял Волжского р-на РМЭ (Ключева, 2014: 114), в которых водящий-покупатель догоняет убегающую от него краску³. Архивные данные указывают также на Советский р-н и д. Олоры Параньгинского р-на РМЭ как место бытования аналогичной игры:

– *Чия пуэдылмыла модмаш* 'Игра в раздавание красок' (Кужмаринский с/с Советского р-на Марийской АССР) (МФЭ-76, № 101, л. 32–33, № 14.7);

– *Маска чия* 'Медвежьи краски' (д. Якай-сола Советского р-на РМЭ) (МФЭ-93, № 182, Л. 30–31, № 10.1)

– *Маска чия* 'Медвежьи краски' (д. Олоры Параньгинского р-на РМЭ) (МФЭ-94, № 183, Л. 6–8, № 2).

В подобной краскам игре *Курчак* 'Куклы' водящий-медведь выбирает и покупает куклу, потом бежит за ней (д. Чодраял Моркинского р-на РМЭ) (Ключева, 2014: 114–115). В еще одной марийской игре преследования – *Маска ден йоча-влак* 'Медведь и дети' – игроки изображают спящих, а медведь их караулит – тех, кто шевельнется, бьет палкой (Китиков, 1993: 31–32).

Таким образом, *маска* 'медведь' – водящий в марийских играх типа догонялок у луговых мари (большинство фиксаций относится к моркинско-сернурскому говору, единичны записи по йошкар-олинскому и волжскому говорам). В отличие от жмуток, в игры типа догонялок с названием водящего *маска* 'медведь' играют, в основном, летом. В одной фиксации 1963 г. есть указание, что играли в эту игру на Семик.

В игровом репертуаре других народов водящий-«медведь» в играх преследования встречается практически у всех финно-угров, например: у карелов игра 'Белые медведи' (Семакова, 1999: 7), у вепсов – 'Медведь, ястреб и куры' (Семакова, 1999: 25); у удмуртов *Гондырен шудон* 'Игра в медведя' (д. Нижняя Кузьма) и *Сьӧд гондыр* 'Черный медведь' (д. Верхний Утчан) (Долганова, Морозов, 2002: 142, 152), у коми – *Ошкӧ-бабӧ* 'Медведь-бабушка' (Рассыхаев, 2014: 92–93), у хантов *Пуни панэ воньтье ях* 'Медведь и ягодники' (Красильников, 2002: 35). У мордвы медведь (*овто*) – водящий в игре типа жмуток (Брыжинский, 2009: 158–160), а в игре «Лесной батюшка» медведь борется с охотниками (Брыжинский, 2009: 121–125). У тюрков Поволжья, в частности, у чуваш, есть игра *Шыв упи* 'Водяной медведь', в которой водящий становится в «яму» (круг) и

³ Названия водящего в игре типа красок у русских – *старик, старушка, Ивашка Попов, Ивашка капитан, Сенька-Полорот, дьявол, черт* (Покровский, 1895: 355–356), *монах, поп, султан, художник* (Ключева, 2014: 11–114).

ловит бегающих вокруг ямы и забегающих в нее других игроков (Ягодова, Махалова, 2005: 36–37). У татар в игре *Ак аю* ‘Белый медведь’ пара водящих-«медведей», взявшись за руки ловит игроков, как сетью (Ягафаров, 2002: 83). В начале XXI в. совершенно аналогичные татарской игры с названиями *Медведи* и *Белые медведи* зафиксированы в Йошкар-Оле у русскоязычных детей (Ключева, 2014: 108–109) – они могут иметь постфольклорное происхождение. В традиционном же репертуаре у русских основные фиксации игр преследования с водящим-медведем относятся к северным и восточным территориям: игра *У медведя на бору* в Вятской губернии (Покровский, 1895: 172–173), *В медведя* в Сургутском крае (Неклепаев, 1903: 87), *Медведь* в Иркутской области (Попова, 1923: 115–116). В Вологодской к водящему-медведю в игре обращаются со словами «Дедушко, медведушко, горох воруюем» (СРНГ, 18: 66).

Переходя к башкирским играм, заметим, что в аналогичных играх преследования (во всяком случае, в том объеме материала, которым мы располагаем) нет зоонима «медведь» – башк. *айыу*. Татарским соответствием к башкирской игре является *Сары буре* ‘Серый волк’, в которой дети-«ягодники» говорят:

*Соберу я ягоды и сварю варенье,
Милой моей бабушке будет угощенье.
Здесь малины много, всю и не собрать,
А волков, медведей вовсе не видать!* (Кенеман, 1989: 74).

Эти слова аналогичны песне в башкирской игре *Мәскәй-әбей*:

*Бында еләк күп икән,
Айыу-буре юк икән.
‘Оказывается, здесь ягод много,
Медведей, волков не видно’* (Шагапова, 2008: 60).

В другой башкирской игре, типологически сходной, но не идентичной, имя *Мәскәй-әбей* носит водящий, который похищает «детей», когда «мать» отлучается из дома (Шагапова, 2010: 61–62). В вариантах этой игры водящий называется также *Убырлы карсык* ‘Баба-яга’, *Акһак бесәй* ‘Хромая кошка’, кошка-упырь, хромой упырь (Шагапова, 2010: 107–109), т.е. наблюдается обычная для игрового фольклора вариативность названия водящего у разных этнографических групп башкир.

В рамках нашего исследования из тюркских наименований водящего наиболее интересно *Мәскәй* (*мәскәй-әбей*), поскольку это имя мифологического персонажа и персонажа игр полностью соответствует марийскому *Маска-кува* ‘Бабушка-Медведь’ – названию персонажа игр и ряжения, а кроме того в исключительной степени созвучно историческому марийскому зоониму *аба маска* ‘медведь’ (Краткий черемисский словарь, 1785: 100)⁴. Такое «совпадение» имен однофункциональных персонажей игры может указывать на прямое заимствование лексики с переключением семантики («медведь» <?> «ведьма»). Не является ли *маска* в марийской игровой лексике мнимым зоонимом, восходящим к наименованию мифологического персонажа тюркского фольклора (колдунья, ведьма, баба-яга)? С другой стороны, не является ли тюркский сказочно-игровой термин калькой с марийского, учитывая глубокую укорененность образа медведя в финно-угорской игровой традиции? Ответ на эти вопросы даст лингвистический анализ – сопоставление этимологии марийского *маска* (*мәскә, мөскә*) ‘медведь’ и тюрк. *мәскәй* (*мәчкәй*) ‘баба-яга’.

Этимологии марийского слово *маска* ‘медведь’ посвящена специальная статья М. Н. Кузнецовой, в которой дан обзор существующих гипотез (Кузнецова, 1989: 104–108), и словарная статья в ее книге «Названия диких и домашних животных в марийском языке», где кроме того дан исчерпывающий перечень исторических (начиная с XVIII в.) и диалектных фиксаций этого слова, а именно: *маска, меска, аба маска, мескә, маскя, маська, mäskä, маська,*

⁴ Ср. современное *ава маска* ‘медведица’ (СМЯ, 1: 21) < *ава* ‘мать’ + *маска* ‘медведь’.

maška, möskä, maiska, maska, möskä, maiška, mäskä, möска, mäškä, мачка, майска, майська (Кузнецова, 2010: 60–61). Из этих источников можно заключить, что этимология данного зоонима является достаточно темным вопросом. К пласту исконной финно-угорской лексики это слово не относится – отсутствует в базах финно-угорской лексики, таких как (UEW). Существующие версии его происхождения суть следующие⁵:

1) указание на славянское заимствование: от русского *мишка* (Зеленин, 1929: 106; Верезки, 1968: 73); от болгарского *мечка* ‘медведь’ (Erdödi, 1958: 33–35; Ларин, 1961: 118)⁶;

2) заимствование от коми слова *mösk* ‘корова’ (Хаузенберг, 1972: 71) иранского происхождения (КЭСК: 176);

3) от христианского имени *Mattheus, Matthias* или *Mark* (фин. *Maaska / Masko*) (Décsy, 1987: 122);

4) от реконструированного раннего марийского слова **mes* ‘человек’, сопоставляемого с прибалтийско-финским *mies* ‘мужчина’ – идея И. Г. Иванова, Д. Е. Казанцева, М. Н. Кузнецовой (Кузнецова, 1989: 106–107; 2010: 61).

К каждой из этих этимологий можно привести возражения фонетического характера. Слово *маска* ‘медведь’ в марийском языке является уникальным с точки зрения диалектного соответствия гласных первого слога: *a* (*ä*) в трех из четырех наречий (луговом, северо-западном и восточном) ~ *ö* в горном наречии (~ *e* в его лесном говоре). (Далее для лугового и горного наречия марийского языка будут использованы сокращения мар. Л и мар. Г соответственно.) Такое соответствие (*a / ö*) в вокализме первого слога совершенно не характерно для марийских диалектов, и мы смогли обнаружить еще лишь один единственный пример подобному – мар. Л *касальк* ‘длинная узкая полоса в поле, прогон’ ~ мар. Г *кösälk* с дублетами *кесälk* и *кйsälk*, являющееся тюркским заимствованием, от чувашского *касалăк* ‘полоса (для жатвы), загонка’. В приведенных этимологиях марийского слова *маска* ‘медведь’ слова с *e / u / ö* в первом слоге в заимствованном слове (*мишка, мечка, mösk, *mes*) не могут объяснять *a / ä* в луговом, северо-западном и восточном наречиях, а версия с исходным *a* (*Mattheus, Matthias* или *Mark*) противоречит диалектному варианту с *ö / e* в мар. Г.

Звук *ö* в этом слове в горном наречии может иметь лишь одно объяснение – как позднейшее развитие фонемы *e*, чему есть достаточно примеров, особенно среди заимствований (например, мар. Г *сöдöй* < рус. *седой*)⁷. На такое фонетическое развитие мар. Г слова «медведь» указывает наличие исторического *меска* и диалектного лесного *мескä*. Соответствие мар. Г *ö* ~ мар. Л *a* в первом слоге является частным случаем более общего соответствия: мар. Г *e* ~ мар. Л *a*, представленного в значительном пласте слов, например: мар. Г *кек* ~ мар. Л *кайык* ‘птица’, мар. Г *келесäи* ~ мар. Л *каласаи* ‘говорить’, мар. Г *кесäраи* ~ мар. Л *касараи* ‘искупить’, мар. Г *селmä* ~ мар. Л *салма* ‘сковородка, мар. Г *семгä* ~ мар. Л *санга* ‘лоб’ и др. (Грузов, 1969: 92). При этом все они являются тюркскими заимствованиями (!), и различие объясняется тем, что формы с гласным *e* в горное наречие попали раньше, чем в остальные диалекты: они отражают общетюркский гласный **e*, тогда как в других диалектах – соответствие вторичному чувашскому *a* (Грузов, 1969: 92). Таким образом, для мар. Г слова, обозначающего медведя, исходным является корень **mes-*, а для

⁵ Мимо внимания современных лингвистов-тюркологов (О. А. Мудрак, А. В. Савельев), насколько нам известно из личной беседы, не прошел также любопытный факт о сходстве марийского названия медведя с ительменским (*мэцке*), но специальных исследований, раскрывающих и объясняющих это соответствие, пока не проведено.

⁶ Здесь же отметим болгарское *баба Меца* ‘медведь’ (СД, 3: 214) и сербохорватское *мечка* ‘медведица’, которое раньше интерпретировалось как уменьшительное от *медвѣдъ* (Фасмер, 2: 613), однако, согласно современным лингвистическим исследованиям, это слово к праславянскому лексическому фонду не относится, и этимология его не ясна (ЭССЯ, 18: 65–66).

⁷ Процесс развития *ö* в первом слоге из исконного финно-угорского **a*, **e* тоже имеет место в марийском языке, но идет параллельно во всех диалектах. Среди междиалектных соответствий с буквой *ö*, как для исконных, так и для заимствованных слов встречаются *e / ö, o / ö, ü / ö*, но не *a / ö* (Грузов, 1969: 93–96).

остальных наречий – **mäs-* (**mas-*). (Для диалектного звениговского *мачка* – видимо, **mäč-* (**mač-*.) Формант *-ка* во всех диалектных фиксациях является уменьшительным суффиксом, демутированное значение которого утратилось (Кузнецова, 2010: 61).

Итак, анализ фонетических закономерностей указывает, что марийское слово *маска* (*mäskä, möskä*) может быть тюркским (наиболее ожидаемо – чувашским) заимствованием, но искомая чувашская форма не очевидна. Фонетически и семантически близка марийскому *маска* чув. лексема *маçакка* ‘дед (по отцу)’ (произносится как *маз’акка*) < *мән* ‘большой’ + *аça* ‘отец’ + суф. *-ак, -ка* (Федотов, 1: 344). С точки зрения семантики, учитывая систему запретов на имена диких животных, наименование медведя «дедушкой» достаточно типичный эвфемизм, хотя на чувашском материале нет фиксации такого значения этого слова. (Ср. чув. *упа* ‘медведь’ (< древнетюркское *aba* ‘медведь’) соотносится с терминами родства: ДТю *aba* ‘отец’, *aba* ‘мать’ и *aba* ‘прародитель’.) Если мар. Л *маска* действительно происходит от чув. слова типа *маçакка* ‘дед’, диалектные формы с *ä* в первом слоге (*mäskä* и т. п.) являются вторичными, а лесное *e* в первом слоге (*мескя*) указывает на заимствование в марийский до перехода тюрк. *e* > чув. *a* в слове «отец»: ДТю *еçи* ‘старший брат, дядя(?)’ > чув. *аça* ‘отец, самец’ (ЭСЧЯ, 1: 65). Чувашское *ç* при заимствовании закономерно переходит в марийское *c* (диал. *c’*) (Грузов, 1969: 157–158). Согласный *ч* в мар. диал. звениговском слове *мачка* соотносится с аналогичным согласным в чувашской форме *муча, мучей* и ей подобных как вариантов к *маçакка*⁸. О тюркизмах в марийских обозначениях животных М. Н. Кузнецова делает следующее обобщение: «...большинство названий диких животных, заимствованных из тюркских языков, служили в качестве эвфемизмов из-за словесного табу, в дальнейшем в процессе исторического развития они вытеснили исконно финно-угорские слова и вошли в лексическую систему марийского языка» (Кузнецова, 2010: 202).

С другой стороны, для этимологии марийского *маска* ‘медведь’ важным нам представляется еще одно наблюдение М. Н. Кузнецовой, которая указывает на возможную связь названий медведя и овцы: коми *меж* ‘баран’, мар. *меж*, мар. Г *миж* ‘шерсть’ < **mežz* < иран.: др.-инд. *mesá* ‘баран, овца’, авест. *maēša-, maēši* ‘овца’, перс. *mēs* ‘овца, баран’, афг. *maž, mež* (UEW: 703) – с семантическим сдвигом на основе метонимии. Развивая эту идею, заметим, что у малмыжских мари в песнях зимнего праздника фиксируется обращение *межар* к ряженому медведю (Акцорин, 1976: 69). Кроме того марийское *маска* весьма близко рус. диал. слову, которым подзывали овец: *мась* (вар. *масы, маси, масеньки, маськи, масенька, масюра*) и соответствующим названиям овец и ягнят: *маська* (Вятская губерния, Кировская область, Пермский край, Средний Урал, Курганская обл., Западное Прикамье), *масы* (там же – Вят., Свердлов., Ср. Урал, Кург.), *масынька* (Вят.) [СРНГ, 18: 19]. М. Фасмер сопоставляет эти слова с тем же финно-угорским < иранским корнем **mežz* (Фасмер, 2: 579). Ср. немного западнее фиксируются обращения к овцам *меса-меса, мись, миська* (Переславльский уезд Владимирской губ. ~ ныне р-н Ярославской обл.) (СРНГ, 18: 124, 176); словом *муськи* подзывали свиней в Ленинградской области, словом *мусеньки* – овец и коз в Костромской (СРНГ, 18: 367, 363). Фонетические варианты (по вокализму первого слога) *маська-* и *миська* (*месь*) русского диалектного названия овцы находят полное соответствие в диалектных марийских названиях медведя: мар. Л *маска, маська*, мар. СЗ *mäskä* и мар. Г *мескя* > *möskä*.

А теперь рассмотрим, нет ли этимологической связи между мар. *маска* ‘медведь’ и башкирским *мәскәй* (диалектное *мискәй, мәсикәй*). Башк. *мәскәй-әбей* – это персонаж не только игр, но и сказок. Слово *әбей* переводится как ‘бабушка’, а *мәскәй* (*мәсчәй*) имеет значения

⁸ Фонетические варианты этой лексемы в диалектах чувашского: *маçак, маçакки, маçаккай, мучей, мочей, мучи, мочи, мучу, мочу, мучча, муччей, мочи, мочки* (Ашмарин, 8: 206, 282), (ЭСЧЯ, 1: 364).

Интересен также чув. зооним *муска* (мус’ка), *моçккя, муçки* ‘особая порода собак’ с неясной этимологией (Ашмарин, 8: 277)

‘обжора; вампир, упырь, вурдалак; обжорливый, прожорливый’ (БРС: 451). Татарским соответствием ему является *мэчкэй* ‘ведьма, колдунья; баба-яга’ (ТРС: 228) ~ диал. *мйчкэй, мэцкэй*, в тобольском диалекте *мйскй*. Данное слово имеет параллели в других тюркских языках со значением ‘обжора, ненасытный, жадный, алчный’ (в частности, киргизское *мечкей* и *мешкэй*, узбекское *мечкэй* и *мэшкэй*, киргизское, казахское, каракалпакское, ногайское *мешкей*) и сопоставляется с монгольским *мэцгий, мэц* ‘ленточный червь’ (ЭСТЯ, 7: 63). С другой стороны, по мнению Р. Г. Ахметьянова, это слово является однокоренным к древнетюркскому *biçin* ‘обезьян’ и соответствующим формам татарского языка (*бичен, пицен, мичен, мэчен*), башкирского (*масин*) (БРС: 414) с монгольской параллелью *мэч(ин), бич(ин)* с тем же значением ‘обезьяна’ (Ахметьянов, 1981: 22; Ахметьянов, 2001: 46, 143; Ахметьянов, 2015, 2: 36; 1: 191)⁹. Подробный анализ этимологии *bi:ğin* ‘обезьяна’ проведен в фундаментальном словаре (ЭСТЯ, 2: 128–129), но там связь ни с татарско-башкирским словом *мэскэй* ~ *мэчкэй*, ни с *бичура* ~ *мичура* ~ *писура* не отмечается, т.е. интерпретация Р. Г. Ахметьянова не поддерживается. Как видим, никаких отсылок от башк. *мэскэй* к мар. *маска* в этих этимологических этюдах нет, и при всей созвучности марийского и башкирского слов, они, по-видимому, все же гетерогенны¹⁰.

Образ *мэчкэй* вполне органичен в тюркской системе наименований водящего в играх преследования, и сходство с аналогичными финно-угорскими играми объяснимо как **типологическое**. Если же говорить о влиянии образности подвижных игр финно-угорских народов на игровую культуру башкир, мы не исключаем заимствования конкретного имени персонажа – башк. *мэскэй* ‘обжора, упырь’ (а по исходному смыслу – ‘медведь’) – из марийской игры в башкирскую¹¹. Подобный семиозис, когда из соседнего языка заимствуется некий игровой термин, его исходная семантика стирается, и через сближение с некоторым словом родного языка, созвучным заимствованному, происходит пересемантизация, весьма характерен для детского игрового фольклора. Ср. типичный для татарских считалок зачин *берам-берам* ‘по-

⁹ Производными от этого слова, согласно его трактовке, являются обозначения домового и кикиморы в татарском языке (*бичура, мичура, пичура*), башкирском (*писура*) и из татарского – в удмуртском (*пичура, писюра*). Данный перечень Р. Г. Ахметьянова дополним марийскими словами восточного наречия: *вичора, пичора* ‘домовой, злой дух, сварливый человек’ (Вершинин, 2011: 55), также заимствованными из тюркских. Формант *-чура* в этих словах указывает на детеныша, ребенка (Ахметьянов, 1981: 22; Ахметьянов, 2001: 46, 143).

¹⁰ Можно попробовать обосновать заимствование в марийский из татарского (*маска* < *мэчкэй*) как еще одну гипотезу этимологии марийского *маска* ‘медведь’. В частности, обратим внимание, что в первом слоге в этом слове в татарских и башкирских диалектах наблюдается вариативность *ө / и*. При заимствовании в марийский татаро-башкирское *ө* всегда дает *а* (*ä*), а татарское *и* обычно переходит в марийское *е*, что полностью соответствует диалектной фонетике марийского слова *маска* (*мäскä*) ~ *мескä* (> *мöскä*). Что касается консонантизма, конечный *-й* татарского слова мог редуцироваться. Специфический согласный *ч* вместо *с* (*с'*) в фонетике звениговского слова (*мачка*) находит соответствие в татарском *мэчкэй*. Но есть некоторые проблемы в соответствии: марийский *с* (*с'*) < тат. *ч*. Хотя и есть определенный пласт слов-марийских заимствований из татарского с таким соответствием согласных, но, в основном, это узко-диалектные лексемы в восточных говорах, а не общемарийские слова. Примеры см. (Исанбаев, 1994) Недостоящим звеном является отсутствующее чувашское соответствие татарскому *мэчкэй*, в котором можно было бы ожидать и согласный *с*, и гласный *а* в первом слоге.

¹¹ Ср. подобное колебание значений (зооним ~ мифологический персонаж) лексемы *овда*. В марийском языке основным значением этого слова (*овда*, диалектное *овча, овыда*) является ‘существо женского пола с длинными волосами, большими грудями, любившее ночью кататься на лошади’ (и дополнительно переносные значения ‘неряха’, ‘растяпа’), т.е. это название мифологического персонажа. При этом этимологически через посредство чувашского зоонима *упйте* ‘обезьяна; кривляка, уродина’ это слово восходит к русскому *обезьяна* < персидское *абузине, бузине* (ЭСЧЯ, 2: 282). Параллельное удмуртское слово *обда* также является зоонимом со значением ‘обезьяна’. В марийских же диалектах значение ‘обезьяна’ тоже фиксируется, но только как устревшее у горномарийского слова *овыда*; а у восточных мари (уржумских, кунгурских и бирских) слово *овда* означает филина (МРС, 4: 256; Веке IV₅: 1637). Таким образом, одна и та же лексема обнаруживает в соседних языках и диалектах флукуацию значений: животное ~ мифологический персонаж, и значения зоонима не идентичны (*обезьяна* ~ *филин*).

одному, по-одному' в марийском фольклоре принял формы *пíрым-пíрым* 'волка-волка' (Ключева, 2017: 85–92), *мераным-мераным* 'зайца-зайца' (Китиков, 1993: 58). Т.е. языковые данные указывают не на угорское, а скорее марийское происхождение конкретного игрового термина башкирской игры – наименования водящего *мэскэй-эбей*, историческим соответствием которому будет мар. *аба маска* 'медведь'. Но ареал распространения башкирской игры *Мэскэй* (юго-восток Республики Башкортостан, тогда как мари традиционно проживают на северо-западе) свидетельствует скорее против, чем за эту гипотезу.

Список литературы:

- Акцорин В. А.** Марийская народная драма (Народная драма). – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1976.
- Архипова С. Д.** Марий калык модыш-влак / Сост. Архипова С. Д. – Йошкар-Ола: Сельские вести, 2012.
- Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка. – Т. 8. – Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1935.
- Ахметьянов Р. Г.** Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – Москва: Наука, 1981.
- Ахметьянов Р. Г.** Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2001.
- Ахметьянов Р. Г.** Этимологический словарь татарского языка. В 2-х т. – Казань: Магариф – Вакут, 2015.
- Брыжинский В. С.** Мордовские народные игры. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2009.
- БРС** – Башкирско-русский словарь / Отв. Ред. З. Р. Уракин. – Москва: Дигора, Русский язык, 1996.
- Вершинин В. И.** Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.
- Грузов Л. П.** Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1969.
- Долганова Л. С., Морозов И. А.** Традиционные игры и развлечения удмуртов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002.
- Зеленин Д. К.** Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1. Запреты на охоте и других промыслах // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1929. – Т. VIII. – С. 1–151.
- Исанбаев Н. И.** Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994.
- Кенеман А. В.** (сост.) Детские подвижные игры народов СССР: Пособие для воспитателя детского сада / Сост. А. В. Кенеман. – М.: Просвещение, 1989.
- Китиков А. Е.** Модыш – уш погыш: марий калык модыш-влак (Марийские народные игры). – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993.
- Ключева М. А.** Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. – Москва: Форум–Неолит, 2014.
- Ключева М. А.** Марийские считалки с зачином пер- (пир-) в контексте игрового фольклора народов Урало-Поволжья // Известия Общества изучения Коми края. – Сыктывкар, 2017. – Вып. 1 (16). – С. 85–92.
- Красильников В. П.** Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002.
- Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Васильем Крекниным и Спасской церкви дьяконом Иоанном Платуновым 1785 года* // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание). № 197.
- КЭСК** – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1970.
- Кузнецова М. Н.** Названия диких и домашних животных в марийском языке. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2010.
- Кузнецова М. Н.** Об одном табуистическом зоониме в марийском языке // Советское финно-угроведение. – 1989. – № 2. – С. 104–108.
- Ларин Б. А.** Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: сб. в честь академика И. И. Мещанинова (= Ученые записки ЛГУ. № 301. Серия филологических наук. Вып. 60). – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1961. – С. 110–124.
- МФЭ – «Материалы фольклорных экспедиций» МарНИИЯЛИ:
МФЭ-66 № 28 – Записи В. И. Суворовой в феврале 1966 г. в д. Солоял Тумшинского с/с Советского р-на Кировской области.
МФЭ-66 № 32 – Записи В. А. Акцорина в феврале 1966 г. в марийских деревнях Кировской области, в т. ч. в д. Солоял.

- МФЭ-72 № 70 – Записи Г. Л. Кубаева в 1972 г. в Новоторъяльском р-не Марийской АССР, в т.ч. в д. Большая Шимшурга (Кугу Шимшүргө).
- МФЭ-76 № 101 – Записи Михайловой и Ю. Кудряшовой в 1976 г. в Кужмаринском с/с Советского р-на Марийской АССР.
- МФЭ-93 № 182 – Записи А. Е. Китикова в сентябре 1993 г. в Советском р-не Республики Марий Эл.
- МФЭ-94 № 183 – Записи А. Е. Китикова в 1994 г. в Куженерском и др. р-нах Республики Марий Эл.
- НРФ – «Научный рукописный фонд» МарНИИЯЛИ:
- НРФ, оп. 1, д. 528. Тетрадь № 5. Ефремов Т. Е. Описание старинного марийского праздника Шорыкйол.
- НРФ, оп. 1, д. 116 – Мамаев В. М. Мустай ялын илыш корныжо (историйже) 'История деревни Мустай', 1963 г.
- НРФ, оп. 3, д. 120 – Журавлев С. Н. Шорыкйол йўла гыч 'Из обычаев Шорыкйол', д. Малый Кулеял (Энерўмбал) Моркинского р-на Марийской АССР, январь 1965 г.
- Неклепаев И. Я.** Поверья и обычаи Сургутского края: Этнографический очерк // Записки Западно-сибирского отдела ИРГО. Кн. 30 / По ред. С. Н. Велецкого. – Омск: Типогр. Окр. Штаба, 1903. – С. 29–230.
- Покровский Е. А.** Детские игры преимущественно русские. – М.: Типолитография В. Ф. Рихтер, 1895. (Репринт: СПб., 1994.)
- Попова А. М.** Детские игры и забавы в сибирской деревне (с. Распутино Яндинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии) // Сибирская живая старина: Этнографический сборник (Восточно-Сибирское отделение РГО). Вып. 1 / Под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. – Иркутск: Первая Гостипография, 1923. – С. 106–120.
- Рассыхаев А. Н.** Детский игровой фольклор коми: жанровый аспект. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014.
- Релина М. В.** Марийские народные игры: собрание и изучение: дипломная работа МарГУ (науч. рук. Ключева М. А.). – Йошкар-Ола, 2013 (на правах рукописи).
- Семакова И. Б.** (сост.) Олемба: традиционные игры финно-угорских и самодийских народов. – Петрозаводск: Карельский центр нар. творчества, 1999.
- СД** – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. – М.: Международные отношения, 2004.
- СМЯ** – Словарь марийского языка: в 10 т. / Гл. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990–2005.
- СРНГ** – Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Ф. П. Сорокалетов, Ф. П. Филин. – Вып. 18. – Л.: Наука, 1982.
- ТРС** – Татарско-русский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2002.
- Троицкая Н.** Черемисы Арбанской волости // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань: Типография Императорского университета 1893. – Т. 11, – вып. 1. – С. 65–82.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. В 4-х т. – М.: Прогресс, 1986–1987.
- Хаузенберг А. Р.** Названия животных в коми языке. – Таллин: Издание АН Эстонской ССР, 1972.
- Шагапова Г. Р.** Башкирские народные игры. – Уфа, РИЦ БашГУ, 2008.
- Шагапова Г. Р.** Семантика игровой культуры башкирского этноса. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
- Шагапова Г. Р.** Об общих этапах этногенеза по материалам игровой культуры народов Поволжья и Приуралья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 4 (22). – С. 105–116.
- ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – Вып. 18. – М.: Наука, 1993.
- ЭСТЯ** – Этимологический словарь тюркских языков. – Вып. 2. – М.: Наука, 1978; Вып. 7. – М.: Восточная литература РАН, 2003.
- ЭСЧЯ** – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
- Ягафаров Р. Ф.** (сост.) Народные жемчужины: татарские народные игры. – Казань: Магариф, 2002.
- Ягодова Л. Г., Махалова И. В.** Чувашские детские игры: методическое пособие. – Чебоксары: Новое время, 2005.
- Веке Ö.** Mari nyelvjárási szótár (= Tscheremissisches Dialektwörterbuch) // Bibliotheca ceremissica. Tomus IV₁₋₉. Szombathely: Savariae, 1997–2001.
- Bereczki G.** Wichtiger lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum 23–28.VIII.1965. Pars 1. Acta linguistica / Aduvantibus Martti Kahla & Alpo Räsänen; acta redigenda curavit Paavo Ravila. – Helsinki: Societas Fenno-Ugrica, 1968. – S. 70–76.
- Décsy Gy.** Etymologicon Eurasiaticum // Ural-Altische Jahrbücher. – 1987. – № 59. – S. 117–122.
- Erdödi J.** Nyelvi tabu a mariban // Nyelvtudományi Közlemények. – 1958. – № 60. – Ol. 29–39.
- UEW** – Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Bd. I–III. – Budapest: Académiai Kiadó, 1986–1991.

Ключева М. А., кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник.

Марийский научно-исследовательский институт им. В. М. Васильева.

Ул. Красноармейская, 44, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, 424036.

E-mail: keymachine@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 1 марта 2019 г.

M. A. Klyucheva

ZOONYM "BEAR" IN THE MARI FOLK GAMES

The article deals with the traditional Mari games like hide and seek and blind man's buff in which the catching man is called a bear. The distribution area of these games, their seasonal and ritual timing is detected. A previously unpublished material from the manuscript archive of MarSRILLH (Yoshkar-Ola) is introduced. The correspondences to this character in the games of the Finno-Ugric peoples, Turks and Russians of the Ural-Volga region are established. The article includes an analysis of the etymology of the Mari word *maska* 'bear', examines the available versions and sets out additional data, including an indication of the correspondence of the Mari bear name (the main dialect forms *maska*, *mas'ka* > *mäskä*; *meskä* > *möskä*) to Russian dialect words meaning sheep (*mas'ka*, *mis'ka*). Such a naming logic is explained by the prohibition of words meaning wild animals and the metonymic shift of semantics (sheep – wool – bear). The structure of the relationship between this Mari zoonym (historical form *aba maska* 'bear') and the name of a typologically similar character in the Bashkir game – *mäskäi-äbei* 'grandma glutton' is analyzed.

Keywords: *folk games, game lexics in Mari, Finno-Ugric languages, Turkic languages of the Ural-Volga region, Russian dialects, borrowing, inter-ethnic interaction, language contacts, characters of folklore.*

References:

- Akhmet'ianov R. G.** Obshchaia leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ia [General vocabulary of the spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region]. – Moscow: Nauka, 1981. (in Russian)
- Akhmet'ianov R. G.** Kratkii istoriko-etimologicheskii slovar' tatarskogo iazyka [A short historical and etymological dictionary of the Tatar language]. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001. (in Tatar)
- Akhmet'ianov R. G.** Etimologicheskii slovar' tatarskogo iazyka. [Etymological dictionary of the Tatar language]. In 2 vols. – Kazan': Magarif. – Vakyt, 2015. (in Tatar)
- Aktsorin V. A.** Mariiskaia narodnaia drama (Nardnaia drama) [Mari folk drama (folk drama)]. – Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. (in Russian)
- Arkhipova S. D.** (comp.) Marii kalyk modysh-vlak [Mari folk games] / Sost. S. D. Arkhipova. – Yoshkar-Ola: Sel'skie vesti, 2012. (in Mari)
- Ashmarin N. I.** Slovar' chuvashskogo iazyka. Chävash sämakhësen këneki [A dictionary of the Chuvash language]. – Vol. 8. – Cheboksary: Chuvashskoe gos. izdatel'stvo, 1935 (in Russian)
- Bashkirsko-russkii slovar'* [Bashkir-Russian Dictionary] / Otv. red. Z. R. Uraksin (ed.). – Moskva: Digora; Russkii iazyk, 1996. (in Russian)
- Beke Ö.** Mari nyelvjárásai szótár (= Tscheremissisches Wörterbuch). In 9 Vol. – Szombathely, 1997–2001. (in German, in Hungarian)
- Bereczki G.** *Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwörter im Tscheremissischen [Most important phonetic-historical studies of the Russian loan words in the Cheremissij] // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugritarum [II International Congress for Finno-Ugric Studies]. 23.–28.VIII.1965. Pars. 1. Acta linguistica, adiuvantibus Martti Kahla & Alpo Räsänen; acta redigenda curavit Paavo Ravila. – Helsinki: Societas Fenno-Ugrica, 1968. – S. 70–76. (in German)*
- Bryzhinskii V. S.** Mordovskie narodnye igry [Mordovian folk games]. – Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009. (in Russian, in Mordovian)
- Gruzov L. P.** Istoricheskaia grammatika mariiskogo iazyka. Vvedenie i fonetika [Historical grammar of the Mari language. Introduction and Phonetics]. – Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. (in Russian)
- Décsy Gy.** Etymologicon Eurasiaticum. Ural-Altäische Jahrbücher. – 1987. – Vol. 59. – S. 117–122.
- Dolganova L. S., Morozov I. A.** Traditsionnye igry i razvlecheniia udmurtov [Traditional games and entertainment of Udmurts]. – Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN, 2002. (in Russian, in Udmurt)

- Erdődi J.** Nyelvi tabu a mariban [Language taboos in the Mari]. Nyelvtudományi Közlemények. – 1958. – Vol. 60. – Ol. 29–39. (in Hungarian)
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov* (Praslavianskii leksicheskii fond) [Etymological dictionary of Slavic languages (Slavic lexical fund)] / Pod red. O. N. Trubacheva. – Iss. 18. – M.: Nauka, 1993. (in Russian)
- Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. – T. 2. – M.: Nauka, 1978; T. 7. – M.: Vostochnaia literatura RAN, 2003. (in Russian)
- Fasmer M.** *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. In 4 vols. – M.: Progress, 1986–1987. (in Russian)
- Fedotov M. R.** *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. In 2 vols. – Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk, 1996. (in Russian)
- Iagafarov R. F.** (comp.) *Narodnye zhemchuzhiny: tatarskie narodnye igry* [Folk Pearls: Tatar folk games]. – Kazan': Magarif, 2002. (in Tatar)
- Iagodova L. G., Makhalova I. V.** *Chuvashskie detskie igry: metodicheskoe posobie* [Chuvash children's games: a manual]. – Cheboksary: Novoe vremia, 2005. (in Russian, in Chuvash)
- Isanbaev N. I.** *Mariisko-tiurkskie iazykovye kontakty. Ch. 2. Slovar' tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovaniy* [Mari-Turkic language contacts. Part 2. Dictionary of Tatar and Bashkir borrowing]. – Yoshkar-Ola: MarSRILLH, 1994. (in Russian)
- Keneman A. V.** *Detskie podvizhnye igry narodov SSSR: Posobie dlia vospitatelia detskogo sada* [Children's outdoor games of the peoples of the USSR: A Handbook for a kindergarten teacher] / Sost. A. V. Keneman. – Moskva: Prosveshchenie, 1989. (in Russian)
- Khauzenberg A. R.** *Nazvaniia zivotnykh v komi iazyke* [Names of animals in Komi]. – Tallin: Izdanie AN Estonskoi SSR, 1972. (in Russian)
- Kitikov A. E.** *Modysh – ush pogysh: marii kalyk modysh-vlak (Mariiskie narodnye igry)* [Mari folk games]. – Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. (in Mari)
- Klyucheva M. A.** *Narodnye podvizhnye detskie igry: Sovremenniy fol'klorny sbornik* [Folk active children's games: Collection of contemporary folklore]. – M.: Forum; Neolit, 2014. (in Russian)
- Klyucheva M. A.** *Mariiskie schitalki s zachinom per- (pir-) v kontekste igrovogo fol'klora narodov Uralo-Povolzh'ia* [Mari game rhymes with the beginning per- (pir-) in the context of the game folklore of the peoples of the Ural-Volga region] // *Izvestiia Obshchestva izucheniia Komi kraia. – Syktyvkar, 2017. – Iss. 1 (16). – P. 85–92.* (in Russian)
- Krasil'nikov V. P.** *Igry i sostizaniia v traditsionnom fizicheskom vospitanii khantov* [Games and competitions in the traditional physical education of the Khants]. – Ekaterinburg: Russian State Professional-Pedagogical University Press, 2002. (in Russian)
- Kratkii cheremisiskii slovar' s rossiiskim perevodom, sobrannyi Kukarskoi slobody Troitskogo sobora protoiereem Vasil'em Krekninym i Spasskoi tserkvi d'iakonom Ioannom Platonovym 1785 goda* [A short Cheremis Dictionary by Kreknin and Platonov] // *Rukopisnyi otdel Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (Ermitazhnoe sobranie). № 197.* (in Russian)
- Kuznetsova M. N.** *Nazvaniia dikikh i domashnikh zivotnykh v mariiskom iazyke* [Names of wild and domestic animals in Mari]. – Yoshkar-Ola: Mari State University Press, 2010. (in Russian)
- Kuznecova M. N.** *Ob odnom tabuisticheskom zoonime v mariiskom iazyke* [About one taboo zoonim in the Mari language] // *Sovetskoe finno-ugrovedenie. – 1989. – № 2. – P. 104–108.* (in Russian)
- Larin B. A.** *Ob evfemizmakh* [About euphemisms] // *Problemy iazykoznanii: sbornik v chest' akademika I. I. Meshchaninova (= Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. № 301. Seriya filologicheskikh nauk. Is. 60).* – Leningrad: Leningrad State University Press, 1961. – P. 110–124. (in Russian)
- Lytkin V. I., Guliaev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. – Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1970. (in Russian)
- Marii kalyk modysh-vlak* [Mari folk games] / Sost. *Arkhipova S. D.* – Yoshkar-Ola: Sel'skie vesti, 2012. (in Mari)
- MFE – “Materialy fol'klornykh ekspeditsii”* [Materials of folklore expeditions in the Archive of the Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola)]:
- MFE-66 № 28 – Zapisi V. I. Suvorovi v fevrale 1966 g. v d. Soloial Tumshinskogo s/s Sovetskogo r-na Kirovskoi oblasti* [Records by V. I. Suvorova in February 1966 in the village of Soloial near Tumsha, Soviet district, Kirov region]. (in Mari)
- MFE-66 № 32 – Zapisi V. A. Aktsorina v fevrale 1966 g. v mariiskikh derevniakh Kirovskoi oblasti, v t. ch. v d. Soloial* [Records by V. A. Aktsorin in February 1966 in the Mari villages of the Kirov region, including Soloyal]. (in Mari)
- MFE-72 № 70 – Zapisi G. L. Kubaeva v 1972 g. v Novotor"ial'skom r-ne Mariiskoi ASSR, v t.ch. v d. Bol'shaia Shimshurga (Kugu Shimshürgö)* [Records by G. L. Kubayev in 1972 in Novotoryal district of the Mari ASSR, including Bolshaya Shimshurga (Kugu Simshürgö)]. (in Mari)
- MFE-76 № 101 – Zapisi Mikhailovoi i Iu. Kudriashovoi v 1976 g. v Kuzhmarinskom s/s Sovetskogo r-na Mariiskoi ASSR* [Records by Mikhailova and Yu. Kudryashova in 1976 in the Kuzhmara, Soviet district of the Mari ASSR] (in Mari)
- MFE-93 № 182 – Zapisi A. E. Kitikova v sentiabre 1993 g. v Sovetskom r-ne Respubliki Marii El* [Records by A. E. Kitikov in September 1993 in the Soviet district of the Republic of Mari El] (in Mari)

- MFE-94 № 183* – Zapisi A. E. Kitikova v 1994 g. v Kuzhnerskom i dr. r-nakh Respubliki Marii El [Records by A. E. Kitikov in 1994 in the Kuzhnersky and other districts of the Republic of Mari El] (in Mari)
- NRF* – “Nauchnyi rukopisnyi fond” [Section Manuscript Fund in the Archive of the Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola)]:
- NRF, op. 1, d. 528. Tetrad' № 5. Efremov T. E. Opisanie starinnogo mariiskogo prazdnika Shorykiol. [Notebook number 5. Efremov T. E. Description of the ancient Mari holiday Shorykiol] (in Mari)*
- NRF, op. 1, d. 116 – Mamaev V. M. Mustai ialyn ilysh kornyzho (istoriizhe) [The history of the village Mustai], 1963.*
- NRF, op. 3, d. 120 – Zhuravlev S. N. Shorykiol iyla gych “Iz obychaev Shorykiol”, d. Malyi Kuleial Morkinskogo r-na Mariiskoi ASSR, ianvar' 1965 g. [Zhuravlev S. N. Shorykiol iyla gych “From the customs of Shorykiol”, the village of Maly Kuleial of the Morkinsky district of the Mari ASSR, January 1965] (in Mari)*
- Neklepaev I. Ya.** Pover'ia i obychai Surgut'skogo kraia: Etnograficheskii ocherk [Beliefs and customs of the Surgut region: an ethnographic essay] // Zapiski Zapadno-sibirskogo otdela IRGO. Bk. 30, edited by S. N. Veletskii. – Omsk: Tipografiia Okruzhnogo Shtaba, 1903. – P. 29–230. (in Russian)
- Pokrovskii E. A.** Detskie igry, preimushchestvenno russkie (v svyazi s istoriei, pedagogikoi, gigienoi) [Children's games, predominantly Russian (in connection with history, education, hygiene)]. – Moscow: Tipo-litografiya V. F. Rikhter, 1895. (Reprint: St. Petersburg, 1994). (in Russian)
- Popova A. M.** Detskie igry i zabavy v sibirskoi derevne (selo Rasputino Yandinskoi volosti Balaganskogo uezda Irkutskoi gubernii) [Children's games and fun in the Siberian village (the village of Rasputino of the Yandin Volost of the Balagan County of the Irkutsk Province)] // Sibirskaia zhivaia starina: Etnograficheskii sbornik. Iss. 1, edited by M. K. Azadovskii and G. S. Vinogradov. – Irkutsk: Pervaia Gostipografiia, 1923. – P. 106–120. (in Russian)
- Rassykhaev A. N.** Detskii igrovoi fol'klor komi: zhanrovyy aspekt [Children's play folklore Komi: genre aspect]. – Syktyvkar: Institut iazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN, 2014. (in Russian)
- Redei K.** Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Bd. I–III. – Budapest: Académiai Kiadó, 1986–1991. (in German)
- Repina M. V.** Mariiskie narodnye igry: sobiranie i izuchenie: diplomnaia rabota MarGU [Mari folk games: collecting and studying] (as a manuscript). – Yoshkar-Ola, 2013. (in Russian)
- Semakova I. B.** (comp.) Olemba: traditsionnye igry finno-ugorskikh i samodiiskikh narodov [Olemba: traditional games of the Finno-Ugric and Samoyed peoples]. – Petrozavodsk: Karel'skii tsentr narodnogo tvorchestva, 1999. (in Russian)
- Shagapova G. R.** Bashkirskie narodnye igry [Bashkir folk games]. – Ufa, RITs BashGU, 2008. (in Russian)
- Shagapova G. R.** Semantika igrovoi kul'tury bashkirskogo etnosa [The semantics of the game culture of the Bashkir ethnos]. – Ufa: RITs BashGU, 2010. (in Russian)
- Shagapova G. R.** Ob obshchikh etapakh etnogeneza po materialam igrovoi kul'tury narodov Povolzh'ia i Priural'ia [About the general stages of ethnogenesis based on gaming culture of the peoples of Volga and Ural regions] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. – 2018. – № 4. – P. 105–116.
- Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Etymological Dictionary] / Pod red. N. I. Tolstogo. – T. 3. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. (in Russian)*
- Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects] / Otv. red. F. P. Sorokaletov, F. P. Filin. – T. 18. – L.: Nauka, 1982. (in Russian)*
- Tatarsko-russkii slovar' [Tatar-Russian dictionary] / Pod red. F. A. Ganieva. – Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002. (in Russian)*
- Slovar' mariiskogo iazyka [Mari-Russian dictionary] / Galkin I. S. (ed.). In 10 vols. – Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990–2005. (in Russian)*
- Troitskaia N.** Cheremisy Arbanskoi volosti [Cheremis of Arban parish] // Izvestiia Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii. Kazan': Tipografiia Imperatorskogo universiteta 1893. – T. 11, Iss. 1. – S. 65–82.
- Vershinin V. I.** Slovar' mariiskikh govorov Tatarstana i Udmurtii [A dictionary of Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia]. – Yoshkar-Ola: MarSRILLH, 2011. (in Russian)
- Zelenin D. K.** Tabu slov u narodov Vostochnoi Evropy i Severnoi Azii. Pt. 1. Zaprety na okhote i drugikh promyslakh [Taboo words among the peoples of eastern Europe and northern Asia. Part 1. Prohibitions on hunting and other fisheries] // Sbornik Muzeia antropologii i etnografii. – 1929. – T. 8. – P. 1–151. (in Russian)

Klyucheva Maria, Candidate in History of Arts (kandidat iskusstvovedeniya), Senior Researcher.

Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (under the Government of the Republic of Mari El).

St. Krasnoarmeyskaya, 44, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia, 424000.

E-mail: keymachine@yandex.ru